

Владиміръ Новиковъ

РУССКІЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЁЛЪ

МИСТЕРІЯ 445-ЛѢТНЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЭВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЁРНАЯ СОТНЯ

Владиміръ Новиковъ

Перед вами фрагментъ книги Владимира Новикова «Русскій государственный орелъ». Въ него вошли предисловіе, первая и половина второй части со всѣми иллюстраціями.

Живой и подробный очеркъ обо всѣхъ преобразованіяхъ русскаго государственнаго орла, съ самаго его появленія до революціи 1917 года. При близкомъ разсмотрѣніи въ каждомъ орлѣ видна часть провидѣнія, говорящаго о наступающей эпохѣ. Работа примѣчательна большимъ количествомъ иллюстрацій.

Въ полной версіи книги 103 страницы и 47 иллюстрацій орловъ — отъ Константинопольскаго до банкнотъ 1918 года.

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЁЛЪ

Мистерія 445-лѣтней
исторической эволюціи

Чѣрная Сотня
Нижній Новгородъ
2017

Намъ нуженъ свѣтъ

(Предисловіе къ изданію 1966 года)

*РУСЬ. РУСЬ. Вижу тебя, изъ моего чуднаго
прекраснаго далёка вижу тебя...*

(Н. В. Гоголь)

Вѣщія, родныя, зовущія слова Николая Васильевича Гоголя я сознательно поставилъ эпиграфомъ въ моёмъ предисловіи къ книгѣ «РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЁЛЬ». Они близки моему сердцу, созвучны моей душѣ, какъ всё родное, завѣтное и незабываемое. Подъ ихъ таинственнымъ свѣтомъ развёртывается лента мистическихъ трансформаций «Русскаго Государственнаго Орла» на протяжении 445 лѣтъ, начиная съ великаго княженія Иоанна III-го.

О содержаніи книги, объ истолкованіи авторомъ измѣненій Орла въ различныя царствованія и о мистикѣ, сопровождающей эти измѣненія, — я буду говорить меньше всего. Книга написана умнымъ, увлекательнымъ и интереснымъ языкомъ. Она раскрываетъ передъ читателемъ огромную картину послѣдовательно мѣняющейся русской жизни. Она возбуждаетъ мысли и рождаетъ въ сердцѣ взволнованныя чувства. Эту книгу прочтётъ каждый сынъ Россіи съ удовлетвореніемъ, можетъ быть, съ душевной благодарностью и, несомнѣнно, съ пользой для себя.

Моя цѣль прежде всего рассказать о томъ, кто былъ авторомъ этой хорошей значительной книги (такой книги въ Россіи ещё не было написано и издано), какъ появилась она на свѣтъ Божій, кто былъ инициаторомъ этого дѣла и кто сказалъ послѣднее слово: «быть по сему». Надо, чтобы остался лѣтописный слѣдъ о созданіи и рожденіи этой книги. Въ заключеніе я приведу нѣкоторыя мѣста изъ книги и попутно изложу тѣ мысли и чувства, которыя родились у меня, когда я читывалъ эти мѣста. Я думаю, что за эти отклоненія отъ прямой темы меня не осудитъ читатель.

Авторомъ книги былъ, нынѣ покойный, капитанъ Россійской Императорской Арміи Владиміръ Саввичъ НОВИКОВЪ, доблестный офицеръ и хорошій культурный русскій человекъ. У старой русской интеллигенціи — по воспитанію, характеру мышленія и по идеямъ, — либерально-революціонной, было предвзятое, примитивное, презрительное мнѣніе, — будто бы царскіе офицеры были люди малокультурные, оболтусы и держиморды, не то Митрофанушки, не то Скалозубы. По мнѣнію нашихъ прогрессистовъ, офицерамъ была чужда премудрость науки, они её избѣгали, были въ наукѣ невѣжественны, сѣры и единственно, въ чёмъ они преуспѣвали, что было любезно ихъ сердцу и что отмѣчало ихъ служебное рвеніе, — это зычный голосъ, умѣнье командовать «направо, налево» и бить солдатамъ «морды». Я, можетъ быть, объ этомъ и не написалъ бы, если бы совсѣмъ недавно не столкнулся съ этимъ вопросомъ.

Въ распространенной русской зарубежной газетѣ появилась на эту тему злая статья бойкаго журналиста. На неё никто не отвѣтилъ. Совсѣмъ недавно у меня произошёлъ разговоръ съ почтеннымъ соотечественникомъ съ университетскимъ значкомъ. Съ жаромъ и паѳосомъ онъ мнѣ говорилъ о позорномъ явленіи въ русской арміи — о «мордобойѣ». — «Вы когда-нибудь видѣли этотъ „мордобой“?» — спросилъ я. «Нѣтъ, не видѣлъ, но это общеизвѣстно...»

Сакраментальная фраза: «всѣмъ извѣстно»... Сколько зла причинила она Россіи. На основѣ ея строилось и возбуждалось общественное мнѣніе («всѣ говорятъ») и создавались легенды о чёмъ угодно. Послѣ крушеній, потоковъ крови, безчисленныхъ жертвъ, въ томъ числѣ и офицерскихъ, было бы полезно передумать, переоцѣнить дешёвенькія цѣнности, образумиться и понять, что клевету и ложь надо перестать говорить.

Владиміръ Саввичъ, по окончаніи Одесскаго кадетскаго корпуса, поступилъ въ Александровское военное училище въ Москвѣ; въ 1912 году онъ былъ произведёнъ въ офицеры и выпущенъ въ 52 Виленскій пѣхотный полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ ушёлъ на боевой фронтъ, доблестно сражался за Россію, былъ тяжело раненъ и сталъ инвалидомъ. За боевыя отличія онъ былъ награждёнъ Георгіевскимъ оружіемъ и орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Этими наградами онъ гордился и очень ихъ цѣнилъ.

Тутъ я опять сдѣлаю вставку. Надъ царскими орденами, медалями, мечами и лентами — наша прогрессивная интеллигенція усердно потѣшалась, осуждала этотъ способъ награды и высмѣивала. Внѣшній декорумъ казался ей романтическимъ пережиткомъ, ненужнымъ и даже оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. «Кому нужны эти побрякушки, эти украшенія груди и живота?» Но вотъ пришла «желанная, завѣтная» и долгожданная революція, всё разрушила, уничтожила и бросила на свалку исторіи всё вѣковое, священное, кровью купленное, выстраданное, чѣмъ жила, во что вѣрила и чему молилась Русская Земля. На мѣстѣ святѣ воцарились бѣсы. И что же вышло?.. Пришли духовно опустошенныя люди, безъ роду и племени, не народъ русскій, а законченные горьковскіе босыки, человѣческіе отбросы со дна и поработили Россію. Россія заплѣла новыя пѣсни во славу «героевъ-чекистовъ, въ честь золотого сердца» Феликса Дзержинскаго, въ честь душегубовъ — безстрашныхъ борцовъ съ крамолой и, конечно, въ честь «великаго отца народовъ товарища Сталина»:

*Отъ края до края, по горнымъ вершинамъ,
Гдѣ вольный орѣлъ совершаетъ полѣтъ,
О Сталинъ мудро, родномъ и любимомъ
Прекрасную пѣсню слагаетъ народъ...*

А въ періодъ страшной, кровавой войны плѣли другое.

*Съ нами Сталинъ родной,
Тимошенко-герой,
И къ побѣдѣ ведѣтъ Ворошиловъ...*

Новая власть, вмѣсто старыхъ орденовъ чести, учредила многочисленные ордена безчестія, позора и русскіе срама. Главный орденъ былъ учрежденъ въ честь измѣнника, предателя и почётнаго параноика товарища Владиміра Ильича Ленина.

Послѣ революціи В. С. Новиковъ поселился въ Германіи и былъ въ теченіе 15-ти лѣтъ декораторомъ Берлинскаго государственнаго театра. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Америку, занялся художествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ писать статьи для русской періодической печати.

Я не зналъ Новикова лично. Но я зналъ его по талантливымъ, всегда интереснымъ, свѣжимъ, волнующимъ статьямъ, съ незатасканными, своими собственными мыслями. Его писа-

нія были созвучны мнѣ. Я могъ считать его духовнымъ единомышленникомъ, человѣкомъ, идейно мнѣ близкимъ.

О «Русскомъ Государственномъ Орлѣ» онъ началъ писать давно, ещё въ Германіи, гдѣ собиралъ нужные матеріалы, рылся въ германскихъ архивахъ, и закончилъ свой трудъ уже въ Америкѣ. Новиковъ подробно описалъ орловъ каждого царствованія, отмѣтилъ ихъ мистическій, провидческій характеръ, обратилъ зоркое вниманіе на разныя детали и сопроводилъ описаніе иллюстраціей каждого орла.

Рукопись труда В. С. Новикова привёзъ изъ Америки Предсѣдатель Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Нью-Йоркѣ князь Александръ Владиміровичъ Амилахвари. Онъ первый оцѣнилъ значеніе историческаго изслѣдованія о Государственномъ Орлѣ и предложилъ Главному Правленію издать книгу. Князь не ошибся въ своей надеждѣ.

Главное Правленіе Зарубежнаго Союза Р.В.И. въ своей напряжённой, огромной, разносторонней дѣятельности всегда и неизмѣнно преслѣдовало и осуществляло двѣ святыхъ задачи: служеніе Россіи и служеніе инвалидамъ. Такъ было съ перваго дня зарожденія всемірной инвалидной организаціи. Почти полстолѣтія продолжается эта національная работа во славу и честь Державы Россійской.

2-го октября 1965 года, Малый Делегатскій Съездъ Инвалидовъ, засѣдавшій въ Парижѣ, обсудилъ предложеніе Главнаго Правленія. На вопросъ изданія книги о Русскомъ Государственномъ Орлѣ онъ посмотрѣлъ съ высоко патриотической точки зрѣнія. «Мы уйдёмъ изъ этой жизни, а памятникъ вѣчной Россіи останется, и будетъ онъ говорить потомкамъ, что и на чужбинѣ, въ изгнаніи, мы не забыли своей Родины...»

***

Заключительную часть моей статьи я начну словами А. С. Пушкина. Никто не упрекнётъ великаго поэта въ реакціонности или въ мракобѣсіи. На него можно сослаться и опереться каждому россиянину, любящему своё Отечество. Вотъ что онъ писалъ совершенно свободно въ суровое царствованіе Императора Николая Павловича:

«Мысль — великое слово. Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль... Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ...»

Пушкинскую свободу мысли Новиковъ использовалъ въ полной мѣрѣ. Имъ руководила только любовь къ Отечеству и національная гордость. Передъ его глазами стояла великая, зачарованная страна, съ таинственной судьбой: паденіями и взлѣтами, съ ея мучительнымъ исканіемъ правды. Къ этой вѣковой русской правдѣ Новиковъ мужественно стремился, шёлъ нерѣдко противъ теченія. Онъ какъ будто говорилъ:

*Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьмётъ безконечное...*

Говоря о Государственномъ Орлѣ въ царствованіе императора Николая I-го, Новиковъ писалъ:

«...Наступилъ тотъ періодъ, который русская либеральная исторія назвала „чёрной реакціей“ и который въ дѣйствительности былъ періодомъ укрѣпленія расшатанной имперіи, то есть тѣмъ дѣяніемъ, которое исторически было наиболѣе нужнымъ... Нельзя, оставаясь объективнымъ, не отмѣтить того, что государственное мышленіе такъ называемыхъ „реакціонныхъ“ Самодержцевъ было куда болѣе дальновиднымъ, чѣмъ весь химерическій паёсъ либеральныхъ „спасителей отечества“...»

Разматривая эпоху царствованія императора Николая Павловича, Новиковъ отмѣтилъ золотой расцвѣтъ Россіи и необычайный, величественный взлѣтъ къ небесамъ русскаго генія. Въ архитектурѣ появился предѣльно строгій, благородный стиль, такъ называемый — Николаевскій ампиръ. Блестящая плеяда писателей взошла на русскомъ небѣ, какъ незакатныя звѣзды: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Толстой, Достоевскій, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, Крыловъ, Жуковскій и др. Въ живописи прославили себя: Брюловъ, Левицкій, Боровиковскій... Русскую музыку вывела на міровую дорогу «Могучая кучка», которой предшествовали Глинка и Даргомыжскій.

Новиковъ закончилъ эту часть изслѣдованія горькими словами вѣрнаго сына Россіи:

«...Это и есть та „чёрная реакція“ и „удушеніе духовной свободы“, которую принёсъ своему народу Императоръ, гнусно названный „жандармомъ Европы“. Такова „объективная исторія“...»

Подойдя къ послѣдней чертѣ, къ тому трагическому моменту, когда на географической картѣ міра исчезло дорогое, священное и пресвѣтлое имя «РОССІЯ», — Новиковъ писалъ:

«...Ошиблись ли „пророки“? Намъ не вѣдомо. Пророки пророчествовали о Россіи. Ея не стало. Новое государственное образованіе отрёклось отъ ея имени и стало подъ знакомъ Серпа и Молота. Но кто знаетъ, что будетъ, когда сокрушится кровавая абракадабра буквенной формулы и на ея мѣстѣ вновь возсіяетъ тысячелѣтнее имя РОССІЯ?...»

Мнѣ думается, что въ этомъ главенствующемъ вопросѣ о русской судьбѣ В. С. Новиковъ перекликается съ великимъ писателемъ Земли Россійской Н. В. Гоголемъ. Очарованный, страстно влюблённый въ свою необъятную, необыкновенную Родину, Гоголь мучительно думалъ надъ ея грядущими судьбами:

«...Что пророчить сей необыкновенный просторъ... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль. РУСЬ!.. Не такъ ли и ты, что бойкая, необгонимая тройка, несёшься!.. Что значить это наводящее ужасъ движеніе. И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ?.. Русь, куда же несёшься ты?..»

Этотъ вопросъ о судьбѣ Россіи занимаетъ не только насъ, вынужденныхъ жить на чужбинѣ и отдѣлённыхъ колючей проволокой отъ родного народа. Онъ интересуется весь міръ. Оттуда начался пожаръ, тамъ источникъ міровыхъ потрясеній. По-разному мы думаемъ, и разнаго исхода мы желаемъ и ждёмъ. Иностранцамъ, вѣроятно, никогда не понять нашего народа. «Россія не имѣетъ друзей», — писалъ Достоевскій.

*Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить.*

Такъ четырьмя стихотворными строчками Ѳ. И. Тютчевъ опредѣлилъ таинственную сущность Россіи. Это опредѣленіе русской народъ принялъ, усвоилъ и не отвергнулъ. О судьбахъ Россіи можно только гадать, пророчествовать или желаемое и ожидаемое признавать какъ бы за грядущее.

В. С. Новиковъ подошёлъ къ этому вопросу съ той же мистикой, съ которой онъ разматривалъ послѣдовательныя измѣненія Государственного Орла. На заключительныхъ страницахъ книги онъ писалъ:

«Романовская Династія, вознёшая Россію до высотъ величайшей Имперіи, зачалась въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Незамолимымъ злодѣяніемъ она закончилась въ Ипатьевскомъ домѣ. Вѣковой кругъ замкнулся въ мистической точкѣ. Но не изсякла династія, и именно мистическое замыканіе круга можетъ рождать мистическую надежду, что придѣтъ день, когда бездушные инструменты серпъ и молотъ, вырванные изъ рукъ узурпаторовъ и очутившись въ рукахъ прозрѣвшаго наконецъ народа, разрушатъ мистическій узелъ и кругъ развернётся въ новую историческую спираль, ведомую достойнымъ отпрыскомъ старой династіи...»

Да сбудутся всѣ пожеланія, надежды и пророчества. Да воскреснетъ Россія для славы, благоденствія и мирнаго процвѣтанія. Да возстановятся вновь святые храмы, монастыри и обители. Да утвердятся законъ и порядокъ. Да стинетъ и исчезнетъ навсегда ненависть, порождѣнная дьяволомъ, и да воцарится любовь и братство среди народовъ Россіи.

А когда это сбудется, я вѣрую, надъ Москвой великой златоглавою займётся алая заря свободы и въ отблескахъ солнечнаго свѣта поднимется надъ Россіей Державный Русскій Орёлъ. Буди, Господи, буди!

*С. Позднышевъ.
1-го декабря 1965 г.*

Р. С. Рукопись «Русскій Государственный Орёлъ» была написана авторомъ по новой орѳографіи. Редакція рѣшила оставить текстъ книги безъ измѣненій, сохраняя и новую орѳографію*.

С. П.

* Тотъ фактъ, что Новиковъ написали свой текстъ въ такъ называемой «новой» — т.е. упрощенной — орѳографіи, не долженъ удивлять: къ шестидесятымъ годамъ — эпоху значительнаго международнаго господства СССР, наступившаго послѣ Второй Мировой войны, широкаго распространения совѣтскихъ изданій за рубежомъ и смѣны поколѣній — лишь немногіе изгнанники продолжали придерживаться старой языковой нормы. Русская эмиграція обезсилѣла. Наше издательство возстанавливаетъ традиціонное правописаніе «Русскаго Государственнаго Орла». Также въ текстѣ исправлены грамматическія ошибки. — *Примѣчаніе корректора.*

I.

Никогда химики не достигнутъ высотъ алхимиковъ, и никогда астрономы не узнаютъ счастья астрологовъ...

Такимъ мудрымъ и глубокимъ афоризмомъ, безразлично — своимъ или чужимъ, вѣнчаетъ Римскій-Корсаковъ одно изъ своихъ идеологическихъ писемъ о «Могучей кучкѣ» къ А. Бородину. Этотъ афоризмъ можно было бы поставить въ эпитафию настоящаго очерка о Русскомъ Государственномъ Орлѣ, какъ символъ отдѣльныхъ царствованій.

Есть двѣ исторіи въ мірѣ. Одна съ кропотливой точностью собираетъ всѣ мельчайшія детали событій, числа, даты, количества и т.д., сводитъ ихъ въ одну послѣдовательную систему причинъ и слѣдствій, очищаетъ ихъ отъ субъективныхъ наслоеній современниковъ и выводитъ такимъ путѣмъ нѣкую картину историческаго дѣйствія. Эта картина, къ сожалѣнію, никогда не бываетъ и не можетъ быть абсолютно объективна, ибо, освобождаясь отъ субъективизма современниковъ, она неизбежно попадаетъ подъ субъективизмъ описывающихъ её изслѣдователей, толкованіе которыхъ не можетъ освободиться отъ міровоззрѣнія, если не личнаго, то по крайней мѣрѣ эпохальнаго. Отсюда вопросъ о такъ называемыхъ «историческихъ перспективахъ» можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. И то, что въ глазахъ послѣдующихъ историковъ можетъ представляться какъ ошибки, совсѣмъ не было ошибками для міровоззрѣнія тѣхъ, кто эти дѣянія творилъ. Исторія только матеріальнаго изслѣдованія фактовъ не можетъ потому считаться исторіей безукоризненно полной и требуетъ для себя поправокъ и дополненій въ области психологическаго анализа тѣхъ фактовъ, кои вызывали причины и слѣдствія историческихъ дѣйствій. Если эту область признать вторымъ потокомъ въ области историческаго изслѣдованія, то необходимо признать ещё и наличие потока третьяго, мало замѣтнаго, но не менѣе дѣйствительнаго.

Въ этомъ потокѣ исторія развивается внѣ обычной, феноменальной логики, а уходитъ въ области ноуменальныхъ постижений, для которыхъ перестаютъ дѣйствовать формальные законы. Эта исторія лежитъ въ области изслѣдованія философовъ, поэтовъ, художниковъ, которые въ нѣкомъ эмоциональномъ, подсознательномъ планѣ собираютъ не бухгалтерскія числа въ «Гроссбухъ», но тѣ невидимыя миру духовныя числа, сила и вліяніе которыхъ на жизнь — фактически и создаютъ исторію въ видимомъ и осязаемомъ планѣ.

Эти «алхимики и астрологи» имѣютъ власть жить внѣ времени и съ одинаковой чѣткостью видѣтъ не только тайны прошедшаго, но и тайны будущаго. Всякое искусство, если оно озарено подлиннымъ талантомъ его созидающаго, — внѣвременно. Опираясь корнями своими въ глубины прошедшаго, оно въ той же мѣрѣ содержитъ въ себѣ предвидѣнія будущаго. Такіе примѣры въ огромномъ количествѣ мы можемъ найти во всѣхъ областяхъ творчества человѣческаго духа: — Фидій и Пракситель; Леонардо да Винчи и Микеланджело; Гёте и Достоевскій; Бетховень и Листъ; Ницше и Константинъ Леонтьевъ... и т. д... и т. д... всѣ они, опираясь на вѣчные, непереходящіе и неизмѣняющіеся законы, впечатлѣнные Творцомъ въ міръ, создали цѣнности, въ которыхъ столь же сильно отражено имъ современное, какъ и предчувствіе будущаго.

Но если мы коснулись въ своёмъ примѣрѣ имёнъ столь блистательныхъ творцовъ міровыхъ цѣнностей, то это не значитъ, что только таковымъ принадлежитъ этотъ даръ предвидѣнія. Въ русской исторіи есть одна область, гдѣ совсѣмъ безвѣстные мастера, повинувшись какимъ-то сверхсознательнымъ вліяніямъ, творили историческую символику, оказавшуюся почти безъ исключенія поразительно-пророческой. Эта символика — есть русская государственная геральдика, то есть олицетворяющій русскую государственность — **РУССКІЙ ДВУГЛАВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЁЛЬ**.

Геральдика, развившаяся на Западѣ во времена рыцарства, вылилась въ очень строгія и законмѣрныя формы. Стилизація и символика геральдическихъ образовъ кристаллизовалась въ чрезвычайно устойчивые и неизмѣняемые ордеры, гдѣ каждый завитокъ, каждый штрихъ, каждая точка имѣли самодовлѣющій смыслъ и значеніе. Перенесённая на русскую почву

для обслуживанія именитыхъ русскихъ родовъ, западная геральдика очень мало русифицировалась и, во всякомъ случаѣ, сохранила свою щепетильную строгость къ неизмѣняемости разъ принятаго образа. Тѣмъ болѣе можетъ показаться поразительнымъ, что Русскій Государственный Орёлъ не только никогда не былъ точно регламентированъ основными государственными законами, но и наоборотъ, слѣдуя за какой-то, невѣдомо кѣмъ и невѣдомо когда установленной традиціей, весьма часто и рѣшительно измѣнялъ свой обликъ.

Логически было бы понятно и геральдически было бы оправданно три вида Русскаго Орла:

1. — Орёлъ Царства Московскаго.
2. — Орёлъ Всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Руси.
3. — Орёлъ Россійской Имперіи.

Съ нѣкоторой вынужденной уступчивостью геральдика могла бы пойти на компромиссъ въ видоизмѣненіяхъ Орла въ предѣлахъ одного и того же царствованія, если это царствованіе было обозначено событіями, рѣшительно отражавшимися на исторіи государства, — на примѣръ: переходъ отъ царства къ Имперіи; присоединеніе Польши, Кавказа, Туркестана, Финляндіи; ...освобожденіе крестьянъ и т. д... Но удивительно, что именно эти большія событія не затронули Русскаго Орла. Наоборотъ, событія характера психологическаго, почти неуловимаго для современниковъ, находили неизмѣнный откликъ въ геральдической формѣ. И если можно ещё объяснить видоизмѣненія, происходящія какъ отраженія уже совершившагося, то чѣмъ и какой логикой можно объяснить тѣ измѣненія, которыя происходили въ началѣ царствованія, когда совершенно никому не могло быть извѣстнымъ, какія событія грядутъ въ ближайшемъ будущемъ и какими путями понесётъ Россія своего Государственнаго Орла? А именно эти видоизмѣненія мы и находимъ на протяженіи всей исторіи; и именно эти видоизмѣненія вѣщаютъ собой поразительныя пророчества.

Какіе-то безвѣстные художники, повинувшись своей интуиціи, награждали Орла символами, которые удивительнымъ образомъ оказывались провидческими и оправдывались послѣдующими событіями. Возникаетъ недоумѣнный вопросъ:

была ли это просто фантазія художниковъ, или это было какое-то фатальное провидчество? И если это было провидчество, то чѣмъ объяснить такую закономѣрную, регулярную, періодическую повторяемость озарѣнности тѣхъ, кто это творилъ? На это материалистическая исторія врядъ ли сумѣетъ дать отвѣтъ. Отвѣтъ могутъ дать только тѣ, которые своё міропониманіе соприкасаютъ съ надматеріальнымъ планомъ, т. е. художники, поэты, мыслители... Чѣмъ объяснить тотъ необыкновенный фактъ, что безконечный рядъ совсѣмъ безвѣстныхъ, не блестящихъ никакими показными талантами древнихъ маляровъ, потомъ изографовъ, потомъ живописцевъ, гравёровъ, наконецъ графиковъ, которые работали сперва на Царскомъ подворьѣ, потомъ въ приказныхъ избахъ, на Печатномъ дворѣ, на Монетномъ дворѣ, наконецъ, въ наше уже время въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, — оказались пророками Судебъ Россійскаго Государства, глаголя свои пророчества геральдическими символами. Кто ОНИ, всѣ эти Ивашки Долгіе, Аюньки Черновы, Модесты Клеймѣные и т. д., имена которыхъ случайно сохранили намъ старыя приказныя записи? Потомъ рядъ такихъ же безвѣстныхъ Ширкиныхъ, Окшинныхъ, Зарядныхъ, наконецъ уже графиковъ послѣдняго времени — Костенко, Чехонина (автора совѣтскаго герба), Нарбута, Солодовина, которые то тонкой хорьковой кистью, то позже рѣзцомъ гравёра украшали царскія грамоты, рѣзали штампы для російскихъ монетъ, сочиняли рисунки для прапоровъ, стяговъ, знамѣнь, ...наконецъ, давали каждому царствованію новаго Государственнаго Орла, коему суждено было на крылахъ своихъ нести историческія судьбы Россіи. Врядъ ли подъ обзоръ этого явленія можно подвести сейчасъ какую бы то ни было рационально-объективную базу. Ни философія, ни, тѣмъ менѣе, эмоціи не имѣютъ такихъ твёрдыхъ дисциплинъ, которыя могли бы быть непреложными и неоспоримыми. Но научное изслѣдованіе движется всегда однимъ и тѣмъ же путёмъ: кто-то, опираясь на рядъ повторяющихся фактическихъ явленій, дѣлаетъ первую попытку свести ихъ въ закономѣрную систему и выдвигаетъ такъ называемую *гипотезу*. Другіе начинаютъ изслѣдовать и провѣрять эту гипотезу, и если она подтверждается, то переходитъ въ *теорію*. Дальнѣйшая разработка теоріи уже выводитъ непреложные *законы*.

Настоящая попытка толкованія эволюціи Русскаго Государственнаго Орла не претендуетъ болѣе, какъ на гипотетическое значеніе.

***

Одну странную вещь приходится наблюдать намъ въ Древней Руси: — Несмотря на весьма кичливое боярство, установившее законы «мѣстничества» и весьма щепетильно дорожившаго своей родовой преемственностью; несмотря на тончайшія отличія чести въ писаніи «отчества» на «овъ» или на «вичъ» («сынъ Ивановъ» или «Ивановичъ» и т. д.) — русскій языкъ не выработалъ дворянской частицы фамиліи, подобно романской «де» или «ди», германской «фонъ» или «фанъ», или, наконецъ, даже тюркской «бей» или «бай». И ещё: — Въ то время, какъ Западъ въ эпоху рыцарства и феодализма создалъ огромную и сложную геральдику родовыхъ гербовъ, русскій бытъ не выработалъ и этого. И если, тѣмъ не менѣе, русское дворянство имѣетъ свои гербы, то они болѣе поздняго и явно подражательнаго происхожденія, занесѣнные съ Запада. Несмотря на огромную способность русской души къ ассимилированію всего привходящаго, гербы русскаго дворянства остались даже никакъ не затронуты русификаціей. Декоративность русской народной орнаментики не коснулась ихъ, и развитіе символическихъ атрибутовъ шло въ томъ руслѣ, которое разъ и навсегда оказалось установленнымъ Западомъ. Этому есть своё объясненіе. Извѣстно, что органическому развитію геральдики въ Древней Руси препятствовало православное міровоззрѣніе, которое не допускало возможности символически изображать человѣческой православный родъ (образъ и подобіе Божіе) — личиной стилизованнаго звѣря. Подтвержденіемъ этого служитъ то обстоятельство, что, въ то время какъ на родовыхъ геральдическихъ знакахъ Западной Европы мы въ огромномъ количествѣ встрѣчаемъ стилизованнаго звѣря — льва, единорога, грифона, орла, буйвола, горгону и т. д., — на всѣхъ русскихъ великокняжескихъ и царскихъ стягахъ, прапорахъ, знамѣнахъ, воинскихъ хоругвяхъ и проч. была неизмѣнно только икона: Нерукотворнаго Спаса у Дмитрія Донскаго; Богородицы у Александра Невскаго у новгородцевъ; наконецъ, изображенія разныхъ другихъ святыхъ, чаще всего покровителей данныхъ князей, княжествъ или просто городовъ.

Такимъ гербомъ въ Московскомъ Княжествѣ была икона — эмблема Воина Небеснаго, Св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго копьёмъ апокалипсическаго змія.

Въ этомъ одномъ уже знаменательный символъ. На престолѣ Московскаго Княжества, начавшаго существовать со второй половины XIII вѣка, не было великихъ князей съ именемъ Георгій. Если даже принять во вниманіе, что основателемъ Москвы былъ князь Юрій Долгорукій, то и тогда нельзя будетъ сдѣлать прочнаго слянія, такъ какъ въ XIII вѣкѣ имя Юрій ещё не отождествилось съ именемъ Георгій, что произошло только въ половинѣ XV вѣка. Въ иныхъ славянскихъ языкахъ эти имена существуютъ раздѣльно и до сихъ поръ. Поэтому Георгій Побѣдоносецъ въ гербѣ Москвы является выразителемъ не личнаго патроната, но носителемъ нѣкой государственной идеи, смыслъ которой гласилъ: вѣчной борьбой съ антихристовымъ зломъ — утверждать богоносную правду Христа.

Обращаясь къ анализу русской народной души, или, вѣрнѣе, народной стихіи, данному нашими философами, поэтами и мыслителями; обращаясь къ жестокой проблемѣ хаотическаго или, вѣрнѣе, анархическаго начала, охарактеризованнаго Достоевскимъ какъ «*двѣ бездны*», — мы не можемъ пройти мимо того первичнаго символа, который отличаетъ Русскаго Двуглаваго Орла отъ Орловъ (въ томъ числѣ и двуглавыхъ) другихъ странъ, а именно: символъ Георгія, поражающаго Змія, помѣщенный на груди Орла. Западноевропейскія изображенія этой же идеи имѣютъ различныя формы: Архистратигъ Михаилъ изображается уже въ законченномъ актѣ побѣды. Такія же изображенія Георгія чрезвычайно широко распространены въ католической пластикѣ: Драконъ уже побѣждёнъ, и Св. Георгій, какъ торжествующій Побѣдоносецъ, попираетъ его трупъ ногами. Этотъ древній христіанскій символъ арійскіе народы знаютъ ещё и до христіанства, и германскій Зигфридъ въ готической орнаментикѣ есть только предтеча церковнаго символа Св. Георгія.

Въ русскомъ изображеніи нѣтъ законченности акта. Несмотря на названіе «Побѣдоносецъ», сама побѣда въ своей окончательной формѣ не изображена. Георгій только борется со Зміемъ. Онъ только разитъ его копьёмъ. Но убить ли Змія или только ранень... и, можетъ быть, возымѣетъ ещё силы опра-

виться и нанести поражение своему противнику, — объ этомъ изображеніе не говоритъ.

Такъ, съ самаго начала своего мистическаго полѣта надъ судьбами Россійскаго Государства, Русскій Двуглавый Орёлъ нёсъ на груди своей тезу и антитезу, добро и зло, Христа и Антихриста, Всадника Небеснаго и Змія апокалипсическаго. Двѣ бездны!

445 лѣтъ побѣждалъ Георгій гидру, ...пронзаль её копьёмъ, но... не умертвилъ. Бездна грѣха, анархіи и богоборчества, извиваясь подъ копьёмъ Воина Христова, всё же жила на самой груди, подъ самымъ сердцемъ Орловымъ.

Въ трагической мартовскій день 1917 года антихристова гидра Московскаго герба ужалила, наконецъ, Орла въ сердце. Императоръ Николай II отрѣкся отъ престола. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже пятое десятилѣтіе обезсиленный, опозоренный, разбитый и истощённый, брошенный на задворки исторіи, лежитъ распластавшись Русскій Орёлъ. Да и лежитъ ли ещё, хотя бы и въ такомъ видѣ? Темно историческое грядущее, и врядъ ли можно найти сейчасъ какія-либо твёрдыя обоснованія для построенія серьёзныхъ догадокъ. Слишкомъ много разнородныхъ факторовъ творятъ историческое дѣйствіе. Слишкомъ много различныхъ и уловимыхъ и неуловимыхъ силъ дѣйствуютъ на исторической сценѣ...

Прослѣдимъ же четырёхсотсокопятилѣтній полѣтъ Русскаго Двуглаваго Орла со всѣми тѣми измѣненіями, которыя претерпѣлъ онъ за свою жизнь, и со всѣми тѣми мистическими пророчествами, которыя являлъ онъ своей измѣняющейся формой, начертывая этимъ письмена, которыя только теперь, впервые, такъ запоздало мы пытаемся прочесть.

***

Прежде чѣмъ перейти, однако, къ разсмотрѣнію Орловъ всѣхъ царствованій, начиная съ Иоанна III и кончая Императоромъ Николаемъ II или даже ещё послѣднимъ Орломъ Временнаго Правительства, необходимо сдѣлать существенную оговорку. Русскій Государственный Орёлъ за всё время своего существованія, вплоть до царствованія Императора Александра III, никогда не былъ точно установленъ закономъ. Въ силу этого его форма, детали, атрибуты и характеръ мѣнялись съ безграничной произвольностью. Штампы, по которымъ

набивалась русская монета, рѣзались не только русскими, но зачастую и иностранными гравёрами. И тѣ и другіе, въ большинствѣ случаевъ, были совершенно безграмотны, по меньшей мѣрѣ въ русской исторіи. Износившійся штампъ замѣнялся новымъ, заново вѣзданнымъ, отчего въ предѣлахъ одного и того же царствованія можно встрѣтить великое разнообразіе формъ, часто совершенно противоположныхъ одна другой.

Придавать значеніе и пытаться найти смыслъ въ этомъ многообразіи — задача, конечно, бесполезная. Но въ потокѣ этой многоликости можно выдѣлить одну твёрдую линію. Это тѣ Орлы, которые появлялись въ *началѣ* cadaго царствованія, т. е. коронаціонные. Именно они и составляютъ предметъ настоящаго изслѣдованія, и именно въ нихъ раскрывается то providчество, о которомъ сказано въ началѣ этой книги.

II.

Великій Князь Московскій Іоаннъ III женился на византійской царевнѣ Софѣ Палеологъ и этимъ актомъ приобрѣтаетъ послѣдній и неоспоримый авторитетъ среди не только существующихъ ещё удѣльныхъ князей Руси, но и въ заграничныхъ сношеніяхъ съ иностранными державами. Для вящаго упроченія этого авторитета Іоаннъ III воспринимаетъ родовой гербъ Византійскихъ государей — Двуглавый Орёлъ.

Двуглавый Орёлъ Византіи имѣлъ у себя на родинѣ смыслъ двуглавою Римско-Византійской имперіи, охватывающей Востокъ и Западъ (1).

Его лапы: Западная-Римская держала мечъ и Восточная-Византійская — крестъ. Никакихъ другихъ эмблемъ Византійскій Орёлъ не имѣлъ.

Рис. 1.

Императоръ Максимилианъ II, отправляя свою племянницу Софью на Московскій великокняжескій престоль, не далъ ей, однако, своего Императорскаго Орла, и на стягъ, который везли во главѣ свадебнаго поѣзда цесаревны, былъ изображёнъ Орёлъ нѣсколько иной формы, знаменующій только родовой гербъ царствующей династіи, но отнюдь не эмблему Имперіи.

Этотъ Орёлъ имѣлъ надъ главами не Императорскій, но только цесарскій вѣнецъ и въ лапахъ своихъ не держалъ ничего (2). Вытканный чѣрнымъ шёлкомъ на золотомъ полѣ, онъ представлялъ изъ себя только чѣрный силуэтъ, лишённый пластики и внутренняго рисунка, и является, такимъ образомъ, только плоской, орнаментальной эмблемой.

Тѣмъ не менѣе, для Московскаго Великаго Князя эмблема эта уже представляла собой великую честь, и заманчивая перспектива стать въ равное положеніе со всѣми иными европейскими государями побуждала его принять этотъ гербъ не только какъ династическій гербъ своей супруги, но и какъ геральдическій символъ своего Государства.

Рис. 2.

Иоаннъ III, совершая для современниковъ актъ величайшаго значенія — породненія Византійской Императорской Династіи съ Династіей Рюрика, былъ вполне удовлетворёнъ этой формой и отнюдь не могъ ещё мечтать о такомъ величій своего Московскаго Княжества, которое пришло потомъ и которое позволило Московскимъ царямъ считать себя преемниками Византіи, когда пышная Константинова Имперія рухнула подъ ударами оттомановъ и Москва почувствовала себя «Третьимъ Римомъ».

Орёлъ Иоанна III первоначально въ лапахъ своихъ не держалъ ничего. Въ такомъ видѣ, ещё только готовясь къ будущимъ заданіямъ, прилетѣлъ на русскую землю этотъ Орёлъ, которому съ этого момента предстояло символизировать собой огромнѣйшую страну, также охватывающую Востокъ и Западъ и населённую народомъ, который «съ мечомъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ» творилъ свою историческую судьбу.

Превратившись изъ Великаго Князя въ Царя Московскаго и взявъ для своего новаго общерусскаго Государства новый гербъ — Двуглаваго Орла, Иоаннъ III вновь возлагаетъ на обѣ главы цесарскіе вѣнцы (3).

Рис. 3.

Одновременно грудь Орла покрывается щитомъ Московскимъ съ изображённой на нёмъ иконой Св. Георгія Побѣдоносца. Казалось бы, всё... Но Иоаннъ III очень ещё робокъ и очень щепетилень. Онъ ещё боится упрёковъ своего именитого византійскаго родства въ томъ, что безоговорочно присваиваетъ себѣ блистательную эмблему могучей имперіи, въ то время какъ самъ ещё остаётся вассаломъ и данникомъ татарскихъ хановъ. И, повинувшись этому печальному соображенію, разставленные крылья византійскаго Орла сжимаются и опускаются вертикально внизъ. Въ то же время, однако, въ нихъ появляется перистость.

Орёлъ какъ бы изъ графическаго символа, какимъ онъ былъ въ Византіи, начинаетъ наливатьсѣ плотью, оживаетъ, готовится къ полѣту... Изъ византійскаго чѣрнаго силуэта превращается въ живой организмъ. Въ такомъ видѣ старый римско-византійскій Орёлъ впервые становится уже *Русскимъ Орломъ*, которому въ этомъ своёмъ третьемъ рожденіи суждено было нести на своихъ крылахъ судьбу Россіи съ 1472 года — 445 лѣтъ!

Однако, восемь лѣтъ спустя, т. е. въ 1480 году, происходитъ событіе величайшаго историческаго значенія — сверженіе татарскаго ига! Престижъ Царя Московскаго поднимается на небывалую высоту. Царь становится «САМОДЕРЖЦЕМЪ», т. е. въ тогдашнемъ понятіи этого эпитета — независимымъ и самостоятельнымъ. И съ этого момента появляется первое вполне законѣрное, вполне исторически реальное и геральдически оправданное, глубоко знаменательное видоизмѣненіе Орла (4). Орёлъ вдругъ взлетаетъ!

Его крылья разворачиваются въ шири полѣта. Клювы его головъ становятся грозными, орлиными и угрожающе раскрываются. Онъ перестаётъ быть уже только геральдическимъ символомъ статическаго бытія государства, но воспринимаетъ въ себя символику государственнаго динамизма, т. е. постановки и разрѣшенія историческихъ государственныхъ задачъ.

Каковы же были въ ближайшемъ эти задачи? Татарское иго свергнуто. Московскому князю не нужно больше ѣздить на поклонъ въ Орду. Но татары ещё сильны. Царство Казанское и Астраханское, а также различныя и многочисленныя орды на югѣ и юго-востокѣ московскихъ предѣловъ ещё требуютъ

Рис. 4.

долгой и настойчивой борьбы, закончить которую удаётся только внуку его — Иоанну Грозному. И, готовясь къ этимъ историческимъ задачамъ, Русскій Орёлъ вновь берётъ въ свои лапы крестъ, какъ символъ православія, и мечъ, какъ символъ борьбы. Это не подражаніе римско-византійскому Орлу. Это свои собственные, продиктованные исторической необходимостью, динамическіе атрибуты. Это видно по мечу, который свою широкую и короткую римскую форму смѣнилъ на болѣе узкую и удлиненную русскую, и по кресту, который изъ четырехконечнаго Владимірова — византійскаго перешёлъ къ восьмиконечному русскому. Подъ этимъ знакомъ проходитъ царствование Иоанна III.

Рухнувшая подъ ударами оттомановъ Византійская Имперія дѣлаетъ русскаго Орла окончательнымъ преемникомъ византійскаго идеологическаго наслѣдія, и сынъ Иоанна Василій III уже не считаетъ нужнымъ подражательно удерживать вѣнцы на обѣихъ главахъ, понимая подъ этимъ какъ бы раздвоеніе власти, и возлагаетъ на обѣ главы одну общую, самодержавную шапку Мономаха (5).

Рис. 5.

24

Это знаменательное видоизменение не остаётся, однако, единственным. Очень динамично и очень плодотворно было это царствование. Къ Москвѣ былъ присоединёнъ Псковъ, подобно Новгороду управлявшійся своимъ вѣчемъ, а счастливая война съ Литвой возвращаетъ захваченный Витовтомъ Смоленскъ.

На это Орѣль, взлетѣвшій уже такъ высоко и такъ гордо, отвѣчаетъ малозамѣтной, но весьма аргументированной деталью: мечъ, находящійся до того въ композиціонныхъ предѣлахъ самого Орла, выносится за эти предѣлы и существенно удлиняется, знаменуя и расширение и поступательный ходъ историческихъ задачъ.

По смерти Василя III, за малолѣтствомъ его наслѣдника Иоанна IV, получившаго впоследствии название Грознаго, наступаетъ десятилѣтнее номинальное регентство его матери — Елены Глинской, а фактически десятилѣтнее самовластіе бояръ.

Здѣсь впервые Русскій Орѣль испытываетъ существенное, почти даже комическое, видоизменение. Вошли въ поговорку боярская спесь и боярское чванство. Въ «трѣхъ шубахъ» «прѣли» бояре въ жарко натопленныхъ теремахъ на засѣданіяхъ

Рис. 6.

25

Боярской Думы. Боярскія окладистыя бороды и боярскіе колыхающіеся огромные животы являлись гордостью и признакомъ могущества, силы и благородства.

Кто осмѣлился сыграть съ Русскимъ Орломъ такую злую шутку (6), сдѣлавъ его карикатурой на боярское дородство?

Въ боярское правленіе о дѣлахъ государства думаютъ мало. Правители заняты склокой между собой. И не государственная динамика, не историческія задачи поручаются символизировать Орлу, но, наоборотъ, — статическую неподвижность, стабилизацию, инертность и ожирѣніе. И вотъ — выпадаетъ изъ боевой лапы Орловой динамическій мечъ и спесиво берётъ эта лапа стабилизированную державу. Клювы закрыты. Широкая грудь переходитъ въ жирный, отвисшій животъ, изъ-подъ котораго расплывается укороченный хвостъ. Этотъ Орѣль не полетитъ. Этому Орлу грузно сидѣть только за высокими кремлёвскими стѣнами, построенными активными предшественниками, и золотить только маковки и вышки помпезныхъ храмовъ и башенъ.

***

Но вот Иоанну исполняется 16 лѣтъ. Онъ коронуется на царство. И среди общаго государственнаго консервативнаго застоя и тишины, вдругъ, невѣдомо по чьему приказу, невѣдомо по чьей выдумкѣ на коронаціонныхъ хоругвяхъ и стягахъ, на царскомъ шатрѣ въ Архангельскомъ соборѣ, на бѣлыхъ кафтаняхъ рындъ и т. д. появляется новый, невиданный ещё на Руси Орёлъ (7).

Рис. 7.

Его крылья вдругъ расправляются, знаменуя нѣкій начинающийся полѣтъ. Клювы, сонно закрытые при боярахъ, властно и грозно раскрываются. Мономаховы шапки на главахъ, какъ только Великокняжескія, перестаютъ отвѣчать достоинству царя Московскаго. Онѣ получаютъ сверху надстройку, болѣе, какъ тогда по-видимому казалось, знаменующую уже не Царскую Шапку, но Царскую *Корону*. Жиръ съ Орла спадаетъ, и въ боевую лапу снова возвращается мечъ. Онъ удлиняется ещё болѣе. Конечно! Вѣдь онъ такъ ещё будетъ нуженъ! Впереди и конечная борьба съ татарами, и войны съ Литвой, Польшей и Швеціей; наконецъ, внутренняя жестокая борьба съ боярствомъ...

Но откуда узнали обо всѣмъ этомъ будущемъ тѣ, какіе-то безвѣстные изографы, которые на приказной избѣ фантазировали новаго Орла къ коронаціоннымъ торжествамъ новаго, молодого Государя? Было ли это необычнымъ спиритуальнымъ предвидѣніемъ, или они понимали ходъ государственныхъ задачъ глубже и лучше, чѣмъ тѣ, кто стоялъ у руля этого государства? Было ли это фиксаціей видѣнія того, что неизбежно будетъ, или было въ этомъ желаніе побудить Орла свершить то, что для Руси нужно и необходимо? Во всякомъ случаѣ, въ Орлѣ Иоанна IV мы присутствуемъ при первомъ мистическомъ чудѣ, явленномъ геральдической символикой. Это чудо открываетъ рядъ послѣдовательныхъ чудесъ во всей послѣдующей жизни Русскаго Государственнаго Орла и заставляетъ остановиться передъ фактомъ, объяснимымъ только въ спиритуальномъ планѣ.

Освободившаяся изъ лапы держава уже не можетъ исчезнуть изъ символическихъ атрибутовъ Орла и ставитъ художниковъ въ трудное положеніе нахожденія ей мѣста. Перенесеніе ея наверхъ, между главъ, на первый взглядъ можетъ показаться нелѣпницей. Но вотъ изъ мѣста сращенія шей вырастаетъ высокій, восьмиконечный православный крестъ. Онъ уже не атрибутъ геральдическихъ символовъ. Онъ органически связанъ съ тѣломъ Орловымъ, и именно онъ является какъ бы опорой парящей надъ нимъ державы. И сама держава мистически покоится на ТРЁХЪ крестахъ — два отъ царскихъ коронъ и третій средній изъ тѣла. Что это — композиціонная случайность? Вынужденное приведеніе къ гармонической цѣлостности нагроможденныхъ деталей? Кто изъ этихъ приказныхъ живописцевъ могъ знать, что уже очень скоро старецъ Филоеѣй выдвинетъ идею «ТРЕТЬЯГО РИМА» и Москва возьмётъ на себя вселенскую миссію быть послѣдней носительницей и хранильницей православной вѣры Христовой, органически, изъ самаго тѣла своего воздвигающей осьмиконечный православный крестъ. Вернёмся ещё разъ къ изумленію передъ чудомъ, ибо оно явилось не тогда, когда произошли уже событія огромной государственной важности — покоренія Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, присоединеніе Сибири, установленіе Судебника, рожденіе идеи Третьяго Рима и Богопомозанности Царя, борьба съ боярствомъ и установленіе не только

внѣшняго, но и внутренняго самодержавія, покореніе Новгорода, открытіе иноземныхъ связей морскимъ путѣмъ черезъ Бѣлое море и т. д., и т. д., — но именно тогда, когда шестнадцатилѣтній юноша, находящійся подъ весьма добрыми и кроткими вліяніями своихъ воспитателей Сильвестра и Адашева, только ещё вступалъ на престолъ, чтобы невѣдомо для самого себя дать Русскому Орлу новый государственный полѣтъ.

Кто совершилъ это чудо? Можетъ быть, специальная изслѣдованія въ древнихъ архивахъ, если только таковыя сохранились, могли бы установить имя какого-нибудь живописца изъ приказной избы на царскомъ подворьѣ. Но что намъ объяснить имя какого-нибудь Ивашки Голаго или Аѳоньки Босого? Да и не Ивашка и не Аѳонька были пророками! Пророчествовала какая-то подсознательная интуиція въ русскомъ народѣ, какой-то даръ предвидѣнія и предчувствія, который стихійно продолжался и далѣе во всѣхъ царствованіяхъ, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ Русскаго Орла. На это никакая материалистическая исторія, никакая діалектика и никакая практическая логика отвѣта не найдётъ. Отвѣтъ можно искать только у тѣхъ «алхимиковъ и астрологовъ», о которыхъ было упомянуто въ эпиграфѣ этого очерка. Есть вещи, которые поэты могутъ проанализировать точнѣе, чѣмъ математики.

***

Но въ царствованіе Грознаго Царя Іоанна былъ ещё одинъ знаменательный періодъ. Истощивъ своё первичное долготерпѣніе въ тщетныхъ попыткахъ обуздать боярскую склоку и безконечныя интриги, Іоаннъ отрекается отъ Царства, какъ НЕДОСТОЙНАГО ЕГО, и уходитъ въ Троице-Сергіевскій монастырь. Наступаетъ періодъ государственнаго смятенія. Тучи собираются надъ страной. Временно Русью править всё та же «Семибоярщина». Царь погружается въ мрачную мистику и не хочетъ больше слышать о своёмъ царствѣ.

Снова, какимъ-то чудеснымъ велѣніемъ, видоизмѣняется Русскій Орёлъ. Правятъ бояре — значитъ, должна вернуться старая форма тяжёлага, статическаго, ожирѣвшаго Орла (8). Не пристало этому Орлу носить на себѣ державные атрибуты. И живописцы изъ приказной избы лишаютъ его всего!

Лапы пусты и растопырены. Держава и крестъ «Третьяго Рима» улетучились. Самъ гербъ Московскій, съ Георгіемъ По-

Рис. 8.

бѣдоносцемъ на щитѣ, уничтожился, и Св. Георгій перешёлъ снова на «свитокъ», который только возложенъ на грудь. Только головы ещё грозны и только клювы ещё раскрыты, чтобы вступить въ борьбу съ недругами...

И въ то время, какъ смятенная Москва живётъ подъ знакомъ этого обезцвѣченнаго и обезславленнаго боярскаго Орла, гдѣ-то совсѣмъ рядомъ, поблизости, подъ святынями всенародно чтимой Сергіевой обители сидитъ законный, вѣнчанный, богопомазанный и оскорблённый Царь, скапливающий грозу надъ самовластнымъ боярствомъ. Тамъ, за стѣнами Троицкой лавры образуется у Іоанна свой новый небольшой дворъ, и тамъ начинается зарождаться новая форма царствованія, которая должна будетъ простереться надъ Русью. Этой формѣ отвѣтитъ и новый Орёлъ.

И вотъ... слетаютъ съ главъ вѣнцы Мономаховы, которые, можетъ быть, въ мнительномъ царѣ могутъ вызвать подозрѣнія въ двоевластіи, т. е. раздѣленіе власти съ боярами, и замѣняются одной общей, невѣдомой ещё на Руси короной (9).

Какъ объяснить вхожденіе этой явно западной формы? Догадки можно строить только на одномъ фактѣ. Какъ извѣстно,

Рис. 9.

именно около этого времени Польша, раздираемая внутренними смутами своего анархически-республиканского духа, склонялась к проекту предложения польской короны Иоанну IV. В иезуитских лабораториях Ватикана, с благословения Папы был выработан план Русско-Польского Короля, Царя и Императора. Именно Императорским титулом, поднесённым впоследствии Лжедмитрию, папский престол надёялся соблазнить честолюбие Иоанна. Для этого, зная, что Иоанн не согласится просто перейти в католичество, Ватикан допускал возможность «двоевѣрія» с тѣмъ, что три года, которые русско-польскій Императоръ долженъ былъ бы жить въ Краковѣ, онъ будетъ католикомъ. Слѣдующіе же три года жизни въ Москвѣ — онъ снова становился православнымъ... и т. д. Планъ былъ рассчитанъ на дальній прицѣль, и конечнымъ результатомъ этого проекта предполагалась полная католизація или, по крайней мѣрѣ, унія обѣихъ церквей подъ главенствомъ Рима.

Только иезуиты «для вящей славы Божьей» могли придумать такой планъ. Иоаннъ, въ своей накипавшей противъ оскорбителей ненависти, не отвергъ, однако, безоговорочно всего плана. Въ тайныхъ сношеніяхъ онъ всё-таки обсуждался.

Соглашаясь въ принципѣ на принятіе польской короны и даже на коронацію въ Краковѣ, онъ, однако, категорически отказался хотя бы даже и отъ фиктивного католицизма и отъ хотя бы даже кратковременнаго житія въ Польшѣ.

Не потому ли надъ этой иноземной короной такъ доминирующе водружёнъ осьмиконечный православный крестъ, подкрѣплённый инициалами Иисуса Христа?

Но рассмотримъ этого страннаго Орла дальше. Изъ хищно раскрытыхъ клювовъ сильно выпрастываются языки. Должны ли они что-нибудь вѣщать? Пожалуй! Ту идею, которая прочно вошла въ психику вся Руси: — Москва есть Третій Римъ, а четвёртому не бывать!

Однако спокойствіе державы Россійской поколеблено. За монастырскими стѣнами сидитъ царь безъ царства и готовитъ новое воцареніе въ совершенно новой формѣ. Какова она ещё будетъ! А пока лапы Орловы бросаютъ всѣ атрибуты своей канонической символики и напрягаютъ когти, готовые вцѣпиться въ тѣхъ, кто нарушилъ преемственную динамику государственности.

Именно отсюда происходитъ самое странное, самое неожиданное, самое малопонятное видоизмѣненіе. Это кардинальное превращеніе стараго Московскаго герба. Собственно даже и о превращеніи здѣсь нельзя говорить. Это полная замѣна Святого Небснаго Покровителя Москвы какимъ-то новымъ, небывалымъ и невѣдомымъ символомъ. Во-первыхъ: старый щитъ изъ щита превращается въ какой-то плакатъ, хартію или свитокъ пергамента. Начало этому, по какому-то предчувствію, даль, впрочемъ, предыдущій «боярскій» Орёлъ. Во-вторыхъ: исчезаетъ Св. Георгій и замѣняется скачущимъ ЕДИНОРОГОМЪ. Что это значить? Гдѣ найти этому объясненіе? Кто предложилъ Иоанну этотъ небывалый образъ? Или онъ выдумалъ его самъ? Попробуемъ гадать!

Въ архивахъ Троицко-Сергіевой лавры сохранились записи о пребываніи тамъ Иоанна и о всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, связанныхъ съ его возвращеніемъ на царство и учрежденіемъ ОПРИЧИНЫ. Въ этихъ записяхъ есть картины, наводящія на разъясняющія догадки. Въ тѣсныхъ, душныхъ келіяхъ монастыря оскорблённое самолюбие Иоанна, наливаясь страшной яростью и злобой къ распущенному боярству, съ радостью

ухватилось за поданную ему идею учреждения особой организации, которая, будучи подчинена только единолично царю, помогла бы ему вывести измѣну и неправду въ Государствѣ. Какъ примѣръ такой организации Иваномъ Пересвѣтовымъ, идеологомъ опричины, указывались янычары при турецкомъ султанѣ. Иоаннъ съ радостью ухватился за эту идею. Но какъ же было русскому, православному царю, хранителю идеи «Третьяго Рима» брать примѣръ съ «нечестиваго» турецкаго царя? Нужно было, хоть лицемѣрно, найти какое-нибудь «моральное» оправданіе. Гдѣ же можно было его найти, кромѣ какъ въ неоспоримомъ моральномъ авторитетѣ Священнаго Писанія. И вотъ услужливый іеромонахъ Таисій читаетъ и «разъясняетъ» Иоанну «Житія кроткаго Царя Давида», непревзойдѣнная патологическая жестокость котораго въ массовыхъ казняхъ своихъ враговъ нашла себѣ не только благоволеніе въ глазахъ древняго Библейскаго Бога, но и была увѣнчана возведеніемъ Царя Давида въ величайшіе святыя Ветхаго Завета, съ приданіемъ ему эпитета «кроткій».

Вотъ что читаемъ въ этихъ записяхъ: Сначала идётъ изложеніе псалмовъ Давида №№ 87, 88, 89, 90, насыщенныхъ жалобами на окружающихъ враговъ и дышащихъ яростью и мстостью къ нимъ. И, наконецъ, въ поученіи къ псалму 91 находимъ строки:

«...вотъ враги твои гибнуть и разсыпаются всѣ дѣлающіе беззаконіе. А мой РОГЪ Ты вознесёшь, какъ рогъ ЕДИНОРОГА...»

Если принять во вниманіе, что самый символъ «Рога» въ Библии встрѣчается весьма часто и знаменуетъ собой атрибутъ не только святости, но и принадлежность самого Бога (...съ Тобой избодаемъ рогами враговъ нашихъ; во Имя Твое попрѣмъ ногами возстающихъ на насъ... Псал. 43), — то непонятная на первый взглядъ фантазія мистически настроеннаго Иоанна начинается какъ будто бы проясняться. Не здѣсь ли лежитъ странная разгадка? И что она лежитъ именно здѣсь, какъ будто подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что актъ, или такъ называемая «Золотая булла» объ обратномъ принятіи царства и вторичномъ восшествіи на престолъ, явившаяся въ результатѣ вѣрноподданческаго паломничества всей Москвы, — скрѣплена печатью именно съ этимъ «Единорожымъ» Орломъ.

Печать эта изготовлена не въ Москвѣ, а всё тамъ же въ Троице-Сергіевской лаврѣ. По кругу ея идётъ надпись: «Яко единорога святилище Твое на земли».

По возвращеніи царя въ Москву и самодержавнаго упроченія трона, Орёлъ этотъ былъ Иоанномъ отмѣненъ. Св. Георгій снова вернулся на своё мѣсто, и Орёлъ снова взялъ себѣ всѣ царственные атрибуты. А Единорогъ, соскочивши съ герба, обернулся Опричникомъ и кровавой метлой прошѣлся по взерошенной и изнемогающей Руси, приготовляя её къ взрыву той стихійной Ярости самоистребленія и анархіи, которая настала такъ скоро подъ названіемъ Смутнаго времени.

***

Страшными массовыми казнями, опалой, разореніемъ, ссылками и т. д. строптивое боярство приведено къ повиновенію. Принципъ неограниченнаго абсолютизма достигаетъ наивысшей точки. Но одновременно съ этимъ обнаруживается и центробѣжный процессъ государства. Московія обезлюдѣла. Обнищавшій и перепуганный народъ потянулся на волжскія, донскія, днѣпровскія «Украины». Тамъ зарождается анархическая вольница, которая надолго ещё обезсиливаетъ внутреннее

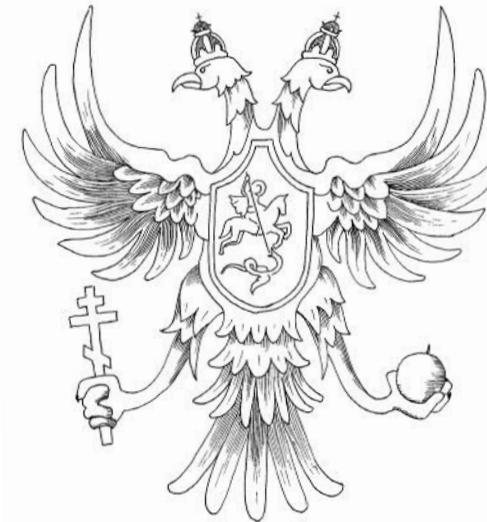

Рис. 10.

устройство государства. Довлѣющая воля Грознаго царя Иоанна уходить, и на ея мѣстѣ воцаряется слабая, робкая и безпомощная душа болѣзненного и ограниченнаго Феодора Иоанновича. И рушится мгновенно вся психологическая мощь созданной Иоанномъ державы. И Орѣль, уже не парящій, а какъ бы гонимый вѣтромъ, поникаетъ надъ истощенной Русью. Мгновенно угасаютъ всѣ его динамическіе атрибуты (10).

Испаряется держава надъ главами. Уничтожается также и крестъ. Грозно раскрытые клювы — закрываются. Крылья заворачиваются въ какомъ-то кругообразномъ движеніи вверхъ, какъ будто не они уже владѣютъ полѣтомъ, а вихри и вѣтры снизу влекутъ ихъ по своему произволу въ неизвѣстность. Въ лапахъ ещё остаётся крестъ въ одной. Но мечъ изъ другой выпадаетъ и замѣняется невѣдомо чѣмъ. Конечно, этотъ шарикъ можно понимать какъ державу, уже бывшую однажды въ этой же лапѣ. Но старая держава была полная, тяжѣлая, съ экваторіальной полосой посрединѣ и увѣнчана крестомъ наверху. Этотъ же шарикъ похожъ скорѣе на яблоко, тѣмъ болѣе, что вмѣсто вѣнчающаго креста здѣсь помѣщенъ просто какой-то отростокъ. Можетъ быть, чрезвычайно возросшій къ этому времени сношенія съ Западной Европой дали основаніе очередному «Ивашкѣ» или «Аюнькѣ» такъ наивно истолковать германское названіе державы — «Reichsapfel» (государственное яблоко), — и это могло привести къ подобному курьёзу. Но то, что могло бы показаться курьёзомъ съ начала тяжѣлага и неудачнаго царствованія робкаго и безвольнаго Феодора, то оказалось такимъ же мистически-пророческимъ въ отдалённомъ будущемъ, какъ и неожиданные атрибуты Орловъ предыдущихъ. Такъ, наканунѣ Смутаго времени, а вѣрнѣе, первой русской соціальной революціи, родился въ Россіи тотъ же символъ, который кровавымъ слѣдомъ прокатился уже въ наше время, во второй русской соціальной революціи: «яблочко». — «...Эхъ, яблочко, да куды котишься!..»

«Яблочко» царя Феодора Иоанновича принесло русскому народу «Юрьевъ день» — крѣпостное право.

***

Умный, властный, заботливый и глубоко несчастный Государь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ могъ бы явиться родоначальникомъ новой династіи. Занятіе имъ престола было

выполнѣ легально и подкрѣплялось ещё, кромѣ того, родствомъ съ угасшей династіей Рюрика — Долгорукихъ. Однако злой рокъ тяготѣетъ надъ Борисомъ. Народная молва, подстрекаемая злостной интригой и клеветой Шуйскихъ (какъ это установлено уже почти точно современными историческими изысканіями), не хочетъ видѣть въ Борисѣ законнаго Государя, считая его захватчикомъ престола и цареубійцей.

И вотъ Орѣль въ самой трагической формѣ отражаетъ это общенародное мнѣніе (11).

Головы Орла напряжённо вздёрнуты кверху. Клювы страшно разинуты и какъ бы вопіютъ къ небу о преступленіи. А можетъ быть, они вопіютъ о хлѣбѣ для терзаемой голодомъ Руси?

Иоанново Единорожье наслѣдство не проходитъ даромъ. Не смѣетъ царствовать Борисъ! И снимаются съ головъ царскія шапки. Въ правой лапѣ онъ судорожно держитъ осьмиконечный крестъ, а въ лѣвую, вмѣсто сомнительнаго «яблочка», берётся Евангеліе! Именно Евангеліе — книга наивысшей любви и надежды. Замолить ли Русь великій грѣхъ, совершенный ея Царёмъ?

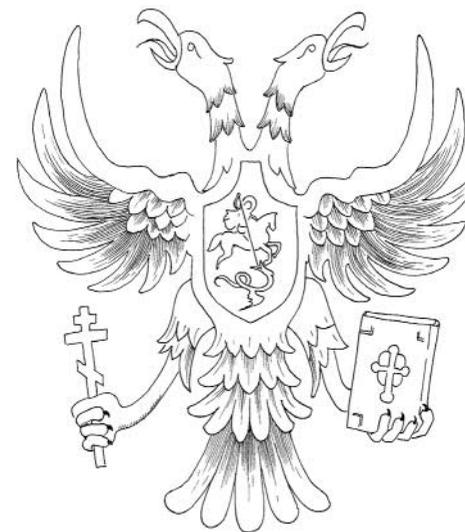

Рис. 11.

Оглавление

Намъ нуженъ свѣтъ.....	4
I.....	11
II.....	19
III.....	46
Послѣсловіе.....	103

Вы прочитали фрагментъ книги Владимира Новикова «Русскій государственный орелъ». Въ него вошли предисловіе, первая и половина второй части со всѣми иллюстраціями.

Живой и подробный очеркъ обо всѣхъ преобразованіяхъ русскаго государственнаго орла, съ самаго его появленія до революціи 1917 года. При близкомъ разсмотрѣніи въ каждомъ орлѣ видна часть провидѣнія, говорящаго о наступающей эпохѣ. Работа примѣчательна большимъ количествомъ иллюстрацій.

Въ полной версії книги 103 страницы и 47 иллюстрацій орловъ — отъ Константинопольскаго до банкнотъ 1918 года.

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

Владимір Саввич Новиковъ
Русскій государственный орёлъ
Мистерія 445-лѣтней эволюціи

Оформленіе переплѣта, рисунки С. З. Зейналова
Наборъ Е. Н. Виноградова
Корректурa М. С. Тейкинъ
Технический редакторъ, вѣрстка Т. Р. Вѣнковъ
Главный редакторъ Д. Н. Бастрaковъ

Выпускъ подготовленъ командой
интерактивного издательства «Чёрная Сотня»

Официальное сообщество ВЪКонтактъ:
www.vk.com/chernaya100

Интернетъ-магазинъ издательства:
www.chernaya100.com

Форматъ 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 7. Уч.-изд. л. 4. Тиражъ 1500 экз.
ООО «Мининская Сотня»